

УДК 417.3

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ А.И. ГЕРЦЕНА: ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2011 Е.В. Ширина

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 29 марта 2010 года

Аннотация: В статье рассматриваются издательские комментарии к публикациям А.И. Герцена, представленные в приложениях к тридцатитомному собранию его сочинений. В них полно и обоснованно раскрываются идеологические и мировоззренческие позиции автора, его творческое своеобразие, приемы и принципы художественного и публицистического мышления, речемыслительные механизмы эффективного воздействия на читателя. Анализ осуществлялся в рамках определенной идейно-тематической проблематики творчества А.И. Герцена середины XIX столетия, отражающей концептуальные его суждения в оценках самодержавной власти и русского народа. Выявлены методы, характеризующие работу текстологов в исторических, литературоведческих и языковых аспектах анализа.

Ключевые слова: текстология, дискурс, концепт, когнитивизм, прагматизм, экспрессивные приемы, концептуальные означивания, сравнительно-исторический метод, комментарий, интерполяция, интерпретация.

Abstract: The article deals with the publisher's notes to A.I. Herten's works given in the appendix to the thirty-volume collection of his publication. The notes reveal the ideological and world outlook of the author, his artistic peculiarities, methods and principles of his artistic and journalistic thinking and linguistic mechanisms of influencing the reader. The analysis was carried in the accord with the conceptual evaluation of the autocracy in the middle of the 19th century. Textual investigations including those making use of journalistic and linguistic aspects of research have been involved.

Key words: textual study, discourse, concept, cognitive study, pragmatics, expressive means, historical-comparative method, notes, interpolation, interpretation.

Текстология – отрасль филологии, изучающая произведения письменности, филологии, литературы различных жанров с целью установления авторства по характеру изложения или индивидуальному стилистическому почерку, правильности введенных в текст документов, цитат, уточнения времени издания и многое другое. Кроме того, текстологи раскрывают по историческим данным смысл намеков, завуалированной информации, разъясняют сведения, неизвестные современному читателю. В филологическом аспекте трактуются метафорическая, образная система языка, во-

плошение в тексте духовных начал автора, его идей и установок. В задачи данной статьи входит текстологический анализ публикаций А.И. Герцена наиболее значительного периода его жизни – середины XIX столетия. Анализ осуществляется по собранию сочинений в тридцати томах (1954–1964 гг.) и комментариям, приводимым в приложении. В этой работе принимали участие историки, литературоведы, лингвисты, журналисты. Среди них имена В.В. Виноградова, Д.Д. Благого, С.А. Макашина, В.Г. Березиной, Ю.Г. Оксман, Л.Я. Гинзбурга. В монографии «Герцен и традиции Вольной русской прессы» (2001) А. Роот говорит

© Ширина Е.В., 2011

об «основных массивах источниковедческой базы» исторически ценных научных выводов, в том числе и текстологических — «сравнительно-сопоставительных соотношений вариантов произведений, установления авторства, создания выверенного научно-справочного аппарата» [1, 15]. В предлагаемой статье рассматриваются комментарии к статьям Герцена, помещенными в XIII-XVIII томах и отражающими динамичные события противостояния самодержавной власти и народа с 1858 по 1863 гг. Идеино-тематическую проблематику этих публикаций возможно концентрированно представить в четырех идеологических концептах, сжатых, но емких речемыслительных формулах, характерных творческому перу Герцена: «народ», «власть», «Россия», «личность». Концепт на современном этапе развития гуманитарной науки интенсивно изучается как объект филологии, представленный чаще всего в области художественной и философской литературы. Он содержит объективно-субъективный смысл авторского понимания словной структуры, взятой за его основу, и характеризуется индивидуальной системой языковых средств аргументации. Ввиду этого, он необходимо нуждается в объяснении исследователями, в том числе и текстологами.

О свойствах подобной структуры писал Ю.С. Степанов: «Концепты могут «парить» над словами и «вещами», выражаясь как в тех, так и в других» [2, 41]. Смысловая подвижность и изменчивость понятийного содержания концептов делают их постоянным предметом внимания ученых. Значение концептов можно оспорить или придать им новые оттенки. Концептуальные суждения Герцена включали информацию, отличную от общепринятой в самодержавном государстве. Противоположные оценки публицистов-демократов складывались из суммирования негативных сторон характеристики российской действительности: Россия — страна «казенной, правительственной, канцелярской власти» (Герцен); народ — сословие зависимое, подчиненное, его предназначение работать и служить властимушум; личность в «тоталитарном режиме» (Герцен) растворялась «в угоду заведенному порядку» (Писарев) и «неотлагаемо нуждалась в руководительстве» (Добролюбов). Гражданская деятельность замалчивалась, яркие личности сознательно принижались, подвергались гонениям и наказаниям. «Свободная русская речь» запрещалась цензурой. Поэтому во многом концепты в демократической публицистике давались в завуалированной, не всегда прозрачной форме. Все это требовало сопроводительных пояснений.

Тематика текстологических анализов публикаций Герцена в данном случае ограничена рамками статьи и направлена на проведение

комплексной систематизации, в основном, двух центральных идеологических концептов, чтобы с их помощью и комментариев текста достоверно и убедительно создать истинную картину мира эпохи в его творчестве.

В лингвистическом аспекте концепт — это субъективная авторская модель в отражении исторически объективной реальности, несущая в себе «черты человеческого способа миропонимания, т.е. антропоцентризма и ментального представления иного, другого мира» [3, 53]. В концептуальном воображении картина мира автора проецируется им в текстах подбором специальных средств языка и стилистических приемов. Именно потому, что концепт обладает авторской индивидуальностью, он и требует привлечения к своему пониманию специалистов широкого профиля. Научный аппарат текстологии включает принципы, реализуемые на уровне междисциплинарного объединения, среди которых важнейшими стали когнитивизм (со стороны исследователя текста) и дискурсивное мышление (с позиции «говорящего» в тексте лица).

Первый — познавательный процесс, помогающий раскрыть объективные и субъективные трудности понимания текста, особая технология анализа, требующая обращения к трем составляющим: приобретение автором знаний, структурирование их в тексте и оперирование ими для получения правильного, авторского, смысла. При участии текстологов увеличивается запас знаний читающего, что способствует нужному распознаванию им текста. Категоризация знаний об объекте исследования связана с ролью языка в процессе познания и ведет к изучению характера самого высказывания, в котором концепт представлен. Так возникает стремление воспринимать текст как конструктивную деятельность субъекта речи, то есть самого автора в выражении его внутреннего мира, менталитета, духовных ценностей, мировоззренческих позиций. Поэтому второе направление — показать соединение двух миров семиотики: мира языка и речевого поведения создателя текста в определенных условиях коммуникации и по определенным прагматическим установкам, что и осуществляется в дискурсивном пространстве текста.

Известный голландский ученый Т.А. ван Дейк выделил дискурс в качестве «сложного коммуникативного явления, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [4, 112-113]. Дискурсивная методика в практике лингвистических исследований текста стала заметной чертой в ученом мире. Н.Д. Арутюнова определяла дис-

курс как «речь, погруженную в жизнь» [5, 137], в которой языковые процессы связаны не только с концентрацией определенной информации и ее передачей, но и умением пишущего дать ее в такой форме, которая оказала бы эффективное воздействие на адресата, призвала бы его к «со-размышлению» (Л.Е. Кройчик).

Изучение дискурсивного мышления субъекта речи входит в задачи лингвистов и текстологов. Последние дополняют исследования первых, так как им приходится осмыслить и озвучить то, что закодировано в дискурсе, а для этого исходить не только из внутреннего, речевого, его представления, но и учитывать внешние содержательные типы его сущности. В дискурсе «говорящий субъект» (М. Пеше) всегда опирается на предшествующие контексты и ситуации. В результате, в них, а затем и в концепте раскрываются «выводные знания» (Ю.Н. Караулов), которые надо найти и утвердить в «инаковости мнений» (своеобразии) его концептуального означивания.

В отличие от описательного способа представления концептов, распространенного в современной исследовательской практике — по общему содержанию произведения и личному восприятию читающего, идеологические концепты Герцена — цельная речевая структура, сочетающая все его компоненты: концептуальную дефиницию, атрибутивные квалификаторы и дополнительные, разъясняющие речевые формы. Но по истечении времени и исторической давности, а также по образно-метафорической системе выражения, свойственной публицисту, они нуждаются в уточнениях и пояснениях для современных читателей. В текстологических анализах ученые добивались выявления неявных или скрытых компонентов смысла; определения доминантной мысли в том или ином отрезке текста; акцентирования ее экстралингвистическими и лингвистическими средствами; установления коммуникативной связи с прагматической целевой направленностью на адресата. Кроме того, текстологи, отслеживая и те изменения во взглядах автора, которые он претерпевает в различные временные отрезки. Так, концепт «власть», при неизменности общих оснований Герцена в оценке самодержавия, получает несколько различающихся трактовок, зависящих от ряда исторических обстоятельств и времени: в начальный период подготовки крестьянской реформы, затем в ходе ее проведения и первых осязаемых результатов, от недолгих иллюзий и надежд на подлинную свободу народа к разочарованию и осознанию того, что «Россия пятится назад, к николаевскому правлению». Отсюда вновь появившаяся мысль о преемственности царских династий и неизменности принципов самодержавного самоуправления.

Отсюда и жесткие концептуальные определения: «Императорская власть у нас — только власть, то есть сила, устройство, обзаведение, содержания в ней нет, обязанности на ней не лежат». В народе зреет новое сознание: «столкновение неминуемо, найдется достаточная сила, могущая бороться, поднимается «морская волна». Власти придется сделать «выбор между кормилом и илом морского дна» [XVI, 223, 225]. В комментарии к статье «Журналисты и террористы» (1862) подтекст данных высказываний заключается в призыве поднять народ на борьбу с правящим в России строем, на революционный протест самодержавию. В связи с выдвиганием новых приемов концептуального анализа основных идейно-тематических проблем 60-х гг., отраженных в статьях, для полноты освещения материала необходим поиск исторических сведений, архивных данных, документов, различных источников, изменившихся оценок. Все это не только обогащает текстологическую науку новой информацией, но делает ее перспективной и актуальной даже в пределах, казалось бы, достаточно полно проведенных исследований.

В числе специальных методов текстологии нами учитывались разные подходы к тексту: сравнительно-исторический в — достоверном толковании концептов (реально-объективный); представления языковой личности публициста через концепты (индивидуально-субъективный) и филологический — выражении концептуальной мысли (художественно-образный). Из подразделов текстологии выделены были три вида комментирования: издательское, реально-текстовое и литературно-художественное. В первом собраны сведения об изданиях статьи и ее вариантах: когда опубликована, в полном объеме или частично, появлялись ли какие-либо уточнения, опровержения, касающиеся издания. Наше внимание обращено на два последних вида комментирования. В **реально-текстовом** даны сведения об исторической обстановке, политических позициях автора, его мировоззрении и намерении, а также разъясняются документы, отдельные места из писем и других источников. Содержится дополнительная информация о фактах и событиях, упомянутых в текстах. В **литературном комментарии** раскрываются приемы художественной образности и метафоризации.

В «Предисловии к «Колоколу» Герцен определяет радикальные программные установки журнала пока еще в общегуманистическом плане, в надежде воздействовать на политику Александра II. Требуя свободы слова, освобождения крестьян от крепостной зависимости публицист выдвигает принцип: «быть везде и всегда против насилия... предрассудков... против изуверства... против отсталых правительств». Исследователи отмечают соединение здесь двух позиций: «умеренного

просветительства» и «пламенного призыва против всевластия чиновничества», что и воспринималось как обвинение царского правительства. Эмоциональный пафос Герцена отразился в грозном предупреждении: «Свободное русское слово раздастся в Зимнем дворце — напоминая, что сдавленный пар взрывает машину, если не умеют его направить» [XIII, 7-8, 13; комм.: 486-487].

В статье «1 июля 1858» уже видно «усиление сомнений Герцена в целесообразности апелляций к верхам», хотя по-прежнему остается вера в царя, который, как ему кажется, «силится подать руку народу». Постепенно приходит отрезвление, пока еще нечетко обозначенное: «государственный рыдван плелся так себе вперед, но когда он решительно начинает пятиться, давит своими тяжелыми колесами ноги..., в звон нашего «Колокола» входит именно вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барщинских полей, с ценсурной бойни» [XIII, 298; комм.: 569]. И все это сказано для того, чтобы укрепить царскую волю на смену традиционной системы власти, привычного управления народом и страной.

Статья «1860 год» передает пик напряженных событий вокруг реформы, но вместе с тем она была последним усилием Герцена в его уповании на прогрессивные устремления царя. Здесь опровергаются фактами реальной жизни его либеральные иллюзии и вера в царя. Проект «Положения» о реформе еще обсуждается, а уже «русская кровь льется». В государе «какая-то истошающая сила, нерешительность, шаткость во всех действиях». Он командировал особо доверенных лиц в губернии и уезды для обеспечения порядка. Они «снабжены полномочиями вешать и расстреливать по усмотрению». Приведены письма, документы об арестах и задержаниях [XIV, 217; комм.: 526].

«Введение» к первой части сборника «За пять лет» (1860) уже свидетельствует о «значительных сдвигах в политических позициях Герцена и о решительном преодолении им монархических иллюзий». По поводу фразы «самодержавие застенчиво остановилось, произнеся слово «освободятся с землей», в комментариях даются разъяснения, что «редакционная комиссия проекта внесла значительные изменения, касающиеся «безземельного освобождения крестьян», что, по сути, сдерживало позитивное восприятие публицистами программы готовящегося «Манифеста». В результате появляется иронический и пророчески воспринимаемый эпиграф к статье: «Прощайте, Александр Николаевич...» и звучит негативная оценка самодержавной власти: «Россия представляет небывалое зрелище государства, в котором все, признанное человеком, состоит сплошь из чиновников, военных или гражданских» [XIV, 277; комм.: 555-556].

По такой же ориентации определяется принцип концептуального означивания народа и власти по другим его высказываниям и текстовым комментариям к ним. Сравнительно-исторические методы текстологии помогают не только раскрыть исторические предосновы мировоззрения Герцена на разных этапах его формирования, но и использовать с целью получения исследователями знаний о прошлом как необходимом инструменте их прагматического действия в настоящем.

В литературно-художественном комментарии анализируются экспрессивные приемы творческой стилистики Герцена, нуждающиеся, с одной стороны, в разъяснении, с другой — в уточнении исторической привязанности к какому-либо факту, лицу, ситуации, имеющих также отношение к характеристике власти и народа. Основой таких анализов в текстологии является *традуктивный метод* — умозаключение, необходимое для выводов в результате выявления сходства, сравнения, аналогии. В публицистике Герцена это своеобразный синтез исторического, художественного и журналистского мышления. Раскрыть реальный замысел его высказываний, определивших суть концептов, возможно по соотнесению метафорически представленного образа с фактами истории, вызывающими жизненные ассоциации. По такой методике мы рассмотрели несколько способов, характерных индивидуальной стилистике Герцена, получивших разъяснение в текстологических комментариях и связанных с названными выше концептами «власть» и «народ», в частности: 1) речевые манипуляции с антропонимами — сатирическими приставками к фамилиям реально-исторических лиц; 2) обращение к литературным и фольклорным источникам; 3) языковая игра как возможность пародийного обыгрывания в изображении реальных лиц власти по конкретным фактам и ситуациям.

Сатирические антропонимы нужны Герцену для обличительного высмеивания самодержавного правительства по реальным поступкам и действиям тех или иных министров, чиновников. Так, например: Апраксин Безднинский — по участию в карательных событиях в с. Бездна; Муравьев Вешатель — за проведение арестов и особо жестоких наказаний; Лужин Верный — за верноподданническое служение власти; Тимашев Школинский — в связи с тайным надзором за образовательными учреждениями. К этой группе относятся также контрастные противопоставления в сфере собственных имен. Например: «Муравьев возомнил себя князем Пожарским, не имеющим отечества для спасения, и бросился на полицейское усмирение Польши». Часто используется Герценом перевод фамилии по буквальному смыслу. Член Главного комитета по крестьянскому делу

Адлерберг (adler – орел, berg – гора) представлен в ироническом подтексте с намеком на засекреченную и охраняемую им информацию о подготовке реформы. Еще один характерный способ – обращение собственного имени в нарицательную структуру. Блюдов, – член Главного управления цензуры: блуждающий в поисках опасного для власти смысла публикаций.

Ссылки на произведения литературы и фольклора рассчитаны на культурный уровень знаний воспринимающих. Но в условиях нашего времени могут быть не всегда понятны современному читателю, а в этом случае теряется суть их политических и идеологических ассоциаций. Пояняются ссылки из разных источников письменности: библейских, художественных, фольклорных, литературно-критических, публицистических и др. Начиная с 60-х гг., все чаще звучат мысли Герцена об отступлении власти от демократических основ проводимой реформы и неизбежности возмездия за ее стремление как можно больше сохранить привилегий дворянства. Так пишет он о «грядущей каре»: «социализм стоит тем же гневным Даниилом, указывая страшные, огненные буквы». Текстологические пояснения этой фразы, смысла, который имел в виду Герцен, направлены на то, чтобы предупредить власть, ибо по преданию пророк Даниил расшифровал начертанные на стене дворца огненными буквами слова, предвещавшие Вавилонскому царству скорую гибель» [XVI, 12; комм.: 347]. Не столько в переводе, сколько в разъяснении функционального назначения нуждается эмоциональный возглас из «Песни о колоколе» Шиллера, взятый Герценом для эпиграфа к «Колоколу»: «Vivos voco!» (Зову живых). Он передает призыв к революционной интеллигенции примкнуть к поднимающемуся народу» [XVI, 14; комм.: 348].

Ситуацию противостояния и нарастающего народного движения Герцен передает обращением к фольклорным темам, традиционным образам добра и зла, ассоциативно относя их к оценкам власти и народа. Таково их представление в статье «Исполин просыпается» (1861): «Подтянись во всю силу молодецкую, вздохни свежим, утренним воздухом, да и чихни, чтоб спугнуть всю эту стаю сов, ворон, вампиров, Путятиных, Муравьевых, Игнатьевых и других нетопырей; ты просыпаешься – пора им на покой». В тексте и комментарии к нему выражена мысль о пробуждении гражданского самосознания несогласных с режимом самодержавия и о близком падении реакционного строя [XV, 173; комм.: 398]. Этим можно было объяснить и эмоциональный возглас Герцена с призывом к юношам: «В народ! К народу!» О воздействии этой статьи на демократическую интеллигенцию впоследствии писал В.В. Стасов:

«Это случилось после чтения нами «Богатырь просыпается!» в «Колоколе», где меня так поразила «поднимающаяся волна» [6, 270].

В период уже пошатнувшихся либеральных надежд Герцена он выступает с удвоенной обличительной силой обвинения, критикует подвластный царю правительственный кабинет в газетном обозрении «Россияда» (1863). Под его прицельным огнем находится М.Н. Муравьев – постоянный объект насмешек и иронических оценок Герцена. Используя в качестве эпиграфа к одному из разделов обозрения известную фразу из басни И. Крылова «Злой тоской удручена, к Муравью ползет она», публицист передает «полностью восстановившийся расклад сил между императорской и полицейской Россией», окончательно завершившейся бойней в Польше: с одной стороны, Россия, «опозоренная злодействами царского самодержавия, запятнавшая себя «канибальскими обедами Каткову, тостами в честь Муравьева Вешателя»; с другой – совершенно конкретная и адресная оценка самодержавной власти, впоследствии подтвержденная в письме к Бакунину: государь сел задом в муравейник, все Муравьевы около него» [XVII, 154; комм.: 417, 418].

Языковая игра и ее разновидность – политический каламбур – типичная речемыслительная форма Герцена. В расшифровке каламбура надо отметить две стороны. Прежде всего он становится ясным с помощью комментариев, разъясняющих контекст в приурочивании его к определенной исторической ситуации. В другом подходе каламбур раскрывает творческую индивидуальность автора в его «устройстве языка» и главное – ассоциативную связь с реальностью, усиленную художественно-образным мышлением. В основе каламбура лежит столкновение двух значений слова или фразы: прямого и переносного, что, в свою очередь, отражается в особом стиле соединения объективности и экспрессии. Своеобразие каламбуров Герцена в том, что он их создает не по отвлеченной схеме, а в соотнесенности с реальной основой: по внешним или другим данным, характеризующим определенное лицо, или по ситуации, вызывающей обличительную реакцию. Однако в виду наличия в каламбуре субъективного подтекста, часто скрытого смысла, суть его политической ориентации раскрывается в комментариях. Из многочисленных форм каламбуров Герцена выделим те, которые связаны с концептуальной тематикой власти и народа. С учетом средств речевого структурирования назовем:

1) омонимии для придания сатирического озвучивания контекста: «...г. Закревский, следуя примеру красноречивого полицмейстера, хотел что-то прислать, и мы приготовили нашу

лучшую сажу, чтоб отпечатать его статью». В каламбуре двойной смысл: сажу использует в типографских целях, но в данном случае речь идет не об этом, а о предполагаемой ответной статье «Колокола», в которой полицейские оценки будут представлены в обличительных, черных и саркастических тонах. Имеется в виду Московский военный генерал-губернатор [XIII, 331, 429; комм.: 579, 613];

2) ложную этимологию слов в пародийном их обыгрывании. Таков перевод слов *porte* – порт и *franco* – свободный. О распоряжениях Строганова, Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, Герцен пишет в язвительной каламбурной манере. Он высылал из Одессы людей, которые ему не нравились «лицом, цветом волос или не знаю чем... или он думает, что *porto franco* значит свободно можно выбрасывать за дверь...». В каламбуре содержится аллюзия на уже назревшую и необходимую отставку, *porto franco* (свободного выбрасывания за дверь), грубого сатрапа, «великого Свекра» царя [XIV, 96; комм.: 487];

3) морфемное разложение состава слова, в двусмысленном «столкновении» прямого и переносного значений и сходству звучания: «Князь крепко закусил николаевскую на-водку!» Речь идет о князе Радзивилл. Каламбур создается морфемным разъединением в составе слова «на-водка» и сочетанием его с глаголом «закусить», что ведет к их каламбурному восприятию: закусить чем-либо водку или «по николаевской на-водке» жениться на его любовнице. Высмеиваются нравы высшего общества [XIV, 143; комм.: 509];

4) грамматическую антитезу. Ее компоненты, словоформы одной лексемы, противопоставлены лишь грамматическими значениями. Такой каламбурный тип выполняет в тексте язвительно-сатирическую функцию. В пафосной пародийной интерпретации Герцен передает бравадную фразу М.Н. Муравьева: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». В первой ее части – объектные отношения между компонентами, во второй – субъектно-предикативные, отсюда и характер действия разный: обезличенно пассивный и конкретно адресный (один подвергается действию, другой сам его выполняет). Муравьев – самая яркая и часто встречаемая в текстах публициста фигура власти: генерал-губернатор Северо-Западного края, министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу. Резкие и негативные оценки «верноподданнической» службы этого «дикого сатрапа», «бульдога самодержавия» объясняются его политикой расправ в Польше. Позднее, соглашаясь с теми, кто не желал расставаться с привилегиями дворянства, Муравьев, пользуясь тем, что «правительство,

вступив в эпоху реформ, идет ощупью, хочет и не хочет...», стремится узаконить положение «об уравнении государственных крестьян с удельными и объявить их личной собственностью царя и великих князей» [XIII, 29; комм.: 499].

Много игровых ситуаций в языке Герцена, связанных именно с этим персонажем. А в соединении текста и комментариев образ Муравьева Вешателя становится биографически полным. Будучи министром государственных имуществ, он «настаивал на самом строгом взыскании недоимок с государственных крестьян», что ассоциируется у Герцена с жестокостью бироновского времени, когда за недоимки «несчастных крестьян не только секли, но и обливали на морозе холодной водой» [XIV, 396; комм.: 615]. Относя Муравьева к кровожадным флигель-адъютантам, которых можно считать «яркими цветами махового прогресса», Герцен с иронией и негодованием сообщает о его новом предполагаемом назначении: «на место Н.А. Милютин, товарища военного министра 1860-1861 гг., сядет *Муравьев вешающий!!!*» [XV, комм.: 357]. Муравьев назван в числе «заявленных тормозов» в подготовке крестьянской реформы [XVI, 25], он организатор «ужасных дел, бесчеловечной бойни и еще больше бесчеловечных рукоплесканий» [XVI, 130]. Герцен имеет в виду «сочувственное отношение помещичье-буржуазного общества к тем жестоким мерам, которые были предприняты царским правительством по отношению к восставшим в Польше» [XVI, комм.: 407].

Подводя итоги краткого анализа соотношения публицистического текста Герцена и комментирования его издателями и исследователями в том или ином функциональном аспекте, можно сделать выводы, касающиеся непосредственно тематики комментариев и методов текстологических исследований. Прежде всего собрана информация, значительно расширяющая сведения о текстовых высказываниях Герцена и нуждающаяся в разъяснениях современным читателям и историкам журналистики.

Д.С. Лихачев признавал особый, междисциплинарный, характер текстологии, так как по своей сути она учит «правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник, требует знаний не только по истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т.п.» [7, 227]. Сейчас уже сложилась практика самостоятельных текстологических исследований, наметился круг параллельных проблем дотекстовых, вербально-текстовых и посттекстовых анализов. Наблюдаемый материал текстологических приложений позволяет выделить три их типа: традиционный

комментарий, интерполяцию и интерпретацию. *Комментирование* в утвердившейся форме — это пояснительные замечания по ходу текста, они могут осуществляться и самим автором, чаще в сносках. Сюда входят также разъяснения использованных в тексте фамилий, дат, названий местности и мн. др. *Интерполяция* (от лат. вставка) — внесение небольших заметок текстолога в его же анализ конкретного материала, разъясняющих ссылки автора на другие источники или привлекаемые к анализу цитаты, сопровождаемые выражением согласия или несогласия со стороны исследователя. *Интерпретация* — посредническое критическое отношение текстолога к тому, что он поясняет по тексту публициста. В этом случае происходит толкование авторского текста не только в традиционном плане комментирования, но и с позиции текстолога — по его внутреннему миру и восприятию.

В заключение, подводя итоги, следует отметить характер составляющих компонентов текстологического анализа с точки зрения его функциональной и научной ценности: 1) приобретение знаний из текстовой информации; 2) оперирование этими знаниями для получения верного и обоснованного их понимания читателем; 3) выражение дополнительного, уточненного, преобразованного смысла текстовых высказываний на основании новой информации и современных методов ее получения.

Ширина Е.В.
Южный федеральный университет.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики.
e-mail: Lena007@aanet.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Роот А. Герцен и традиции вольной русской прессы / А. Роот. — Казань : Казанский университет, 2001. — 350 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 823 с.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — Минск : Терра Системс, 2005. — 254 с.
4. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. — Москва : Наука, 1989.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136-137.
6. Балакирев М.А. В.В. Стасов. Переписка. Т.1 / М.А. Балакирев. — Москва : Просвещение, 1970. — 205 с.
7. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. — Москва : Детская литература, 1989. — 236 с.

ИСТОЧНИКИ

Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах / А.И. Герцен. — Т.ХІІІ-ХVІІІ. — Москва : Изд-во Академии наук ССР, 1958-1959.

Shirina E.V.
Southern Federal University.
Candidate of Philology, Senior Lecturer of History of Journalism Department of Philology and Journalism Faculty.